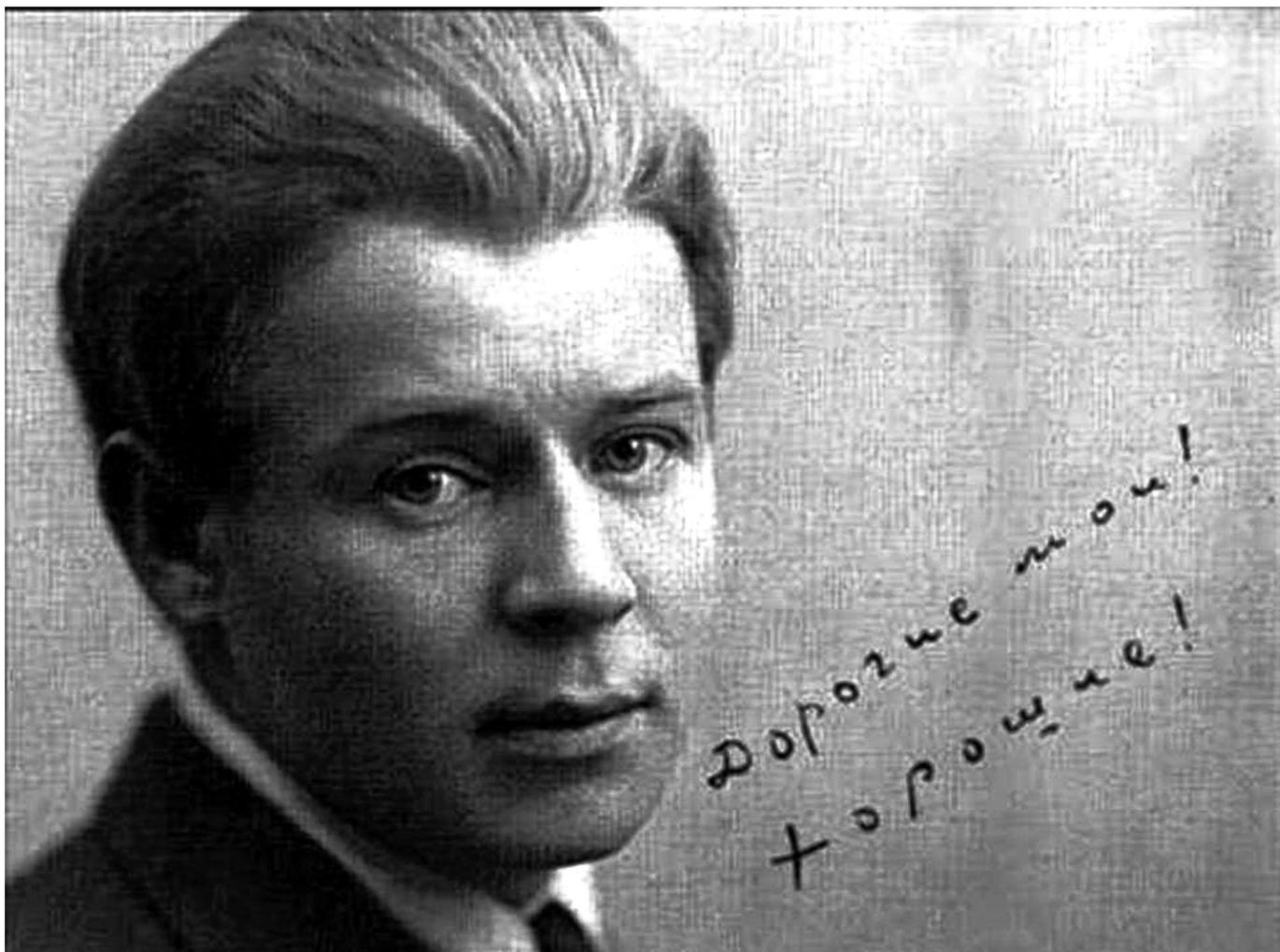

100 КНИГ, КОТОРЫЕ ПОТЯСАЛИ МИР

ЖУРНАЛ «ЮНОСТЬ» ПРОДОЛЖАЕТ ВЕСТИ ПОСТОЯННУЮ РУБРИКУ ЕЛЕНА САЗАНОВИЧ «100 КНИГ, КОТОРЫЕ ПОТЯСАЛИ МИР», ПРОЕКТ, ПОЛУЧИВШИЙ ГРАН-ПРИ ВСЕРОССИЙСКОГО ФЕСТИВАЛЯ СМИ «ПАТРИОТ РОССИИ-2014» В НОМИНАЦИИ «МОЯ РОССИЯ»

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЕСЕНИН. ИЗБРАННОЕ ИЗБРАННОГО

Елена Сазанович, ▲

О

днажды его поцеловал ангел. Может быть, ночью, когда он родился. И звезды свисали настолько низко, что стоило лишь протянуть ладошку. А одна и вовсе сорвалась с неба и залетела, словно ночной мотылек. Через окошко. Чтобы в комнате было не настолько темно. И страшно... А, может быть, ангел поцеловал его утром. В щеку. И она зарделась. То ли от поцелуя. То ли от луча солнца. И солнечные зайчики запрыгали по лоскутовому одеялку... В любом случае это случилось осенью. Красивой, очень

красивой и благородной осенью. От этого у него - осенние непослушные кудри. А глаза - от не так уж давно ушедшего лета. А на лице - застывшая зимняя печаль. Хотя и зима, и настоящая печаль - еще впереди. Когда весна уже не наступит...

Сережа, Сереженька, Серега... Сергей Александрович Есенин. Трудно найти дом в России, где бы он не жил. Портрет, фотография, статуэтка. Белая береза, красная рябина, отшумевший клен... Хлопья снега. Хлопья облаков. Лунное небо над грустной рекой. И золотые кувшинки. Распахнутая книга избранного... А его стихи, как собственные мысли - нет-нет, да и вырвутся из сердца... Под настроение и без. К случаю и без. И кажется, будто сам сочинил. настолько ясно, просто и к месту. Но нет. Это - Есенин.

Ангел однажды поцеловал Сережу, взмахнул легко крылышками и навсегда улетел восвояси. Предоставив его самому себе. А с собой он не справился... Правда, ангел забыл ночную звезду в сенах. Чтобы не было так темно. И страшно. И утреннего зайчика на бревенчатой стене. Чтобы не было так грустно. А еще розового коня во дворе. Чтобы стало хоть чуть-чуть легче... Хочешь - мчись на нем всю свою жизнь. Вдруг дорога окажется легкой и долгой. Вдруг повезет - и не сорвешься. Вдруг... Сергей развязал поводья и отпустил коня на волю. Он так любил животных. И волю. А розовый конь помчался по пшеничным полям. Навстречу ветру. "За эти тучи, эту высь Скачи к стране счастливой..." А он остался. Чтобы сделать себя несчастливим. Что бы сделать себя поэтом.

Сережа помахал коню вслед и побрел по своей дороге. Которая, увы, оказалась такой короткой. Такой извилистой. Размытой грязными лужами. Хотя эту канавистую дорогу окружала "страна березового ситца". И чистое небо. И "алый сок ягоды на коже". Он часто спотыкался о камни, падал. Поднимался. Отряхивал с одежды грязь: "Если раньше мне били в морду, То теперь вся в крови душа. И уже говорю я не маме, А в чужой и хохочущий сброд: "Ничего! Я споткнулся о камень, Это к завтраму все заживет!.." Раны заживали все меньше. Все чаще хохотал сброд. И все чаще поэт оглядывался назад. И слышал хрипловатый голос любимой бабушки: "Иди, иди, ягодка, бог счастье даст". И над бабушкины словами смеялся дьявол. Но, как в детстве, он хватался за бабушкину палку и шел, шел. Уже понимая, что ангел его не защитит...

Ангел сделал свое дело. Он его поцеловал. Но не сохранил. Это был не ангел-хранитель. И не ангел счастья. Он был ангел избранных... Свой путь Сергей должен был выбрать сам. И он его выбрал. И всю дорогу его догонял бес. Скрываясь в белых березах. "В тихий час, когда заря на крыше, Как котенок моет лапкой рот..." Однажды он его догнал. Но все это потом, потом. Когда по том будет истекать его жизнь.

"Жизнь моя, иль ты приснилась мне? Словно я весенней гулкой ранью Проскакал на розовом коне..." Где ты, розовый конь? Как это красиво и как поэтично. Если бы Есенин выбрал его, получился бы сам Есенин? А так он оставил его детству. И нам. Щедрый дар. За который он сам дорого заплатил. Заплатил своей мучительной судьбой. Своей израненной душой. Своим беспокойным и бесспорным гением. А вот жизнь, как сон, получилась...

21 сентября (3 октября) этого года исполнилось 120 лет со дня рождения великого русского поэта Сергея Александровича Есенина, а 28 декабря - 90 лет со дня его трагической гибели...

В ней было столько всего, что могло уместиться лишь в сон...

Биография, написанная им, нарочито прозаична. Нарочито лаконична. Умещается в пару страниц. Он сам так захотел. "Что касается остальных "автобиографических сведений", - они в моих стихах". Он так хотел, чтобы его читали, а не изучали. Пожалуй, ничья воля не была так нарушена, как воля Сергея Есенина. Его жизнь не просто раздраженно рассматривали под лупой. Не просто невротически разглядывали под микроскопом. Любовь его топтали. Над трагедией судьбы глумились. Над душой просто измывались. А его гений забрасывали грязью.

И более того - его судьбу судили! Кто?! Не судимы - да не судимы будете... Но как правило судят те, кто более всего суда достоин. Исторического. Нравственного. Какого угодно суда.

Его биография - нарочитый протест против своих стихов. Есть поэты, бесцеремонно вторгаться в жизнь которых не стоит. Это поэты, которых поцеловал ангел. Оставив им право на неангельскую жизнь. А у кого она ангельская? Пусть тот бросит в Есенина хоть один камешек... Даже если он дорого стоит...

Кажется, что мы о его жизни знаем столько, сколько он сам даже не знал. Вот бы, пожалуй, он удивился. Мы живем, едим, пьем. И никто нас не осудит... Есенин осмелился на самосуд. А не делается ли это только потому, чтобы его гениальная трогательная чарующая лирика оставалась позади его жизни? Жизни, из которой навязчиво делают драму, мелодраму, трагедию, боевик и чуть ли не фильм ужасов? Извините, Сергей Александрович. Гений не прощается. Ни в прошлом. Ни в настоящем. Ни в будущем. Такова плата толпы негениев.

Его стихи невозможно анализировать. Они волшебны. Это - музыка. Это - живопись. Это - кинематограф... Флейта, экспрессионизм, может быть, даже слишком уж философский Гете... Воздух, который неуловим. Но жить без которого невозможно. "Сергей Есенин не столько человек, сколько орган, созданный природой исключительно для поэзии, для выражения неисчерпаемой "печали полей", любви ко всему живому в мире и милосердия, которое - более всего иного - заслужено человеком..." Вот оно - точное слово для Есенина! Он был создан исключительно для поэзии! Не для прозы жизни! Застегнутой на все пуговицы. В надлокотниках, чтобы не испачкаться. В салфеточках и тапочках.

Он был создан для милосердия! А сам милосердия так и не дождался. Так какое право мы имеем нагло вторгаться в его жизнь! И тем более в его смерть! Какое мы имеем право быть с ним "на ты"!

Для того, чтобы быть Есениным нужна смелость. И простая, простая искренность. Он мог позволить себе так просто и искренне жить и так просто и искренне умереть. Он мог позволить себе отвернуться от Бога. Чтобы потом искренне поверить в своего Бога, который "за пазухой". Он мог позволить себе явиться прямо к Блоку за поддержкой. К этому утонченному интеллигенту, соблюдающему дистанцию от земли, - в стихах. Поэзия Есенина напротив покорялась земле.

Он мог позволить гордо называть себя "крестьянским сыном" и "гражданином села". Мог позволить в столицах рядиться в крестьянскую одежду и распевать под гармошку. Чтобы Маяковский (который сам недавно щеголял в желтой кофте и желтых ботинках) трубой загудел: это что же, для рекламы? А Есенин флейтой пропел: "Мы деревенские, мы этого вашего не понимаем..." Что ж, труба и флейта друг о друга споткнулись... Разные очень. А ноктюрн получился один. А через несколько лет Есенин мог запросто переодеться в костюм европейского денди и нацепить цилиндр, чтобы горько усмехнуться в стихах: "В нем удобней, грусть свою уменьшив, Золото

овса давать кобыле..." Он мог себе позволить написать: "В годы революции был всецело на стороне Октября, но принимал все по-своему, с крестьянским уклоном". И позднее в "Анне Снегиной": "Скажи, Кто такое Ленин?" Я тихо ответил: "Он - вы". Так поэт Есенин ответил крестьянам. Так гражданин Есенин ответил себе. "Я еще больше влюбился в коммунистическое строительство." Мог это позволить. А еще он мог, обожая Родину, заявить: "Я буду воспевать Всем существом в поэте Шестую часть земли С названием кратким "Русь"..."

Мог искренне полюбить американскую танцовщицу-революционерку Айседору Дункан. "И какую-то женщину, Сорока с лишнем лет, Называл скверной девочкой И своею милою..." А потом в Русь влюбиться еще сильнее. После зарубежных поездок. Мог позволить себе заявить в первом зарубежном интервью: "Я люблю Россию. Она не признает никакой иной власти, кроме Советской". Мог позволить громко и звонко спеть "Интернационал" на столе. Сцепиться с белыми офицерами в Париже, защищая достоинство Советской власти. Размахивать красным флагом и кричать: "Да здравствует большевизм!" А потом написать в письме: "Что сказать мне вам об этом ужаснейшем царстве мещанства, которое граничит с идиотизмом? Кроме фокстрота, здесь почти ничего нет, здесь жрут и пьют, и опять фокстрот. Человека я пока еще не встречал и не знаю, где им пахнет. В страшной моде Господин доллар, а на искусство начихать - самое высшее мюзик-холл... Пусть мы нищие, пусть у нас голод, холод... зато у нас есть душа, которую здесь сдали за ненадобностью в аренду под смердяковщину".

Он мог себе позволить... «Да, я скандалил. Мне нужно было, чтобы они меня знали, чтобы они меня запомнили. Что, я им стихи читать буду? Американцам стихи? Я стал бы только смешон в их глазах. А вот скатерть со всей посудой стащить со стола, посвистеть в театре, нарушить порядок уличного движения — это им понятно. Если я это делаю, я миллионер. Мне, значит, можно. Вот и уважение готово, и слава и честь! О, меня они лучше помнят, чем Дункан!» Мог позволить себе написать очерк об Америке "Железный Миргород": "Только за границей я понял совершенно ясно все значение русской революции, спасшей мир от безнадежного мещанства..."

Мало ли что мог позволить себе Сергей Есенин... Такой легкоранимый. Такой чуткий... Он нравственно страдал. Он физически мучился. А "святоши" по-прежнему бросали в него грязные камни, подло хихикая в кулачок, что Есенин - "настоящий" поэт не в "Руси Советской", а в "Москве кабацкой". Так же хихикают они и теперь, уже долларовые, уже проданные... Хотя на их долю выпала лишь Москва кабацкая. А Русь Советская давно уже уничтожена. Но святоши остались. Они вечны. Их черная сила неистребима. Увы. Даже в Москве кабацкой... Есенин вдруг позволил сам себе выбрать смерть. Наверно, когда "Черный человек" постучал в его двери. И он их распахнул. Зачем, Сергей Александрович? Зачем? Ведь вам было всего лишь 30... Впрочем, по вселенскому счету, разве имеет значение, когда уйдешь. В 30 или в 100? Жизнь летит так быстро... Так одинаково быстро.

И прошлое, и настоящее, и будущее уже не имеет значение. Время едино. И для тех, кто остался в прошлом. И для тех, кто в настоящем. И для тех, кто еще будет. Мы все где-то есть... Зачем вы открыли дверь черному человеку? Ведь вы и так были слишком открыты. И для друзей, и для врагов. И для родины и для Родины. Вы ничего не утаивали о себе в стихах. И слишком много каялись. Исповедовались. Не перед священником. Перед всем миром. Громко, отчаянно, дерзко, хулигански и очень мучительно. Нельзя оправдываться. Никогда. Особенно перед негодьями. У земли просить прощения? Может быть... Хотя земля вас так сильно любила. А небо простило давно. Потому что однажды вас поцеловал ангел... Мир этого не оценил. И не простил. И мучил вас своими обвинениями... И вы решили поставить точку. И распахнуть дверь черному человеку. Это был смелый поступок.

Черный человек вошел достойно (эти силы всегда очень горды и достойны) "Приподняв свой цилиндр И откинув небрежно сюртук". А потом - тысячи коварных обвинений, грязной лжи и подлой клеветы. Ох, какую радость Есенин

доставил друзьям черного человека. Сколько они радостно кричали, что черный человек - это и есть сам поэт. Что сам поэт рассказал о себе неприглядную правду! Вот в конце доказательство: "Я в цилиндре стою. Никого со мной нет. Я один... И - разбитое зеркало". Умышленное искажение есенинской правды. Которая очень проста. И очень умна. У Сальери был Моцарт. У Пушкина - Дантес. У Лермонтова - Мартынов. Это просто фамилии. А в принципе, у каждого Фауста - свой Мефистофель. Есенин дал им одно точное название - черный человек.

У каждого светлого человека есть свой черный человек. Это не личный враг. Это ступок тех темных сил, которые пытаются убить прекрасное. Черный человек - это враг Человеку. А разбитое зеркало - это предостережение. Что черный человек может убить не только из-за угла. Не только на дуэли. Не только подсыпав яду. Его способы могут быть еще изощреннее и извращеннее.

Он может убить словом. Точнее - наветами и клеветой. Унижениями и обвинениями. Он может запросто посеять в душе страх и ночь. И довести до самоубийства... И никто его не осудит. Потому что у него нет конкретного лица. Конкретной фамилии. Конкретного адреса. Он есть. И его нет. Клевету на скамью подсудимых, увы, не сажают... Как на скамью подсудимых не сажают ни подлость, ни зависть. Эти понятия не материальны. Хотя последствия от их зла очень даже реальны.

Есенин похоронен в Москве. Это справедливо. Он был самым русским из всех русских поэтов на русской земле. И все-таки... Кажется, что его "Возвращение на родину" состоялось. И он остался там навсегда.

Где по-прежнему растет тополь у родного дома, который он сам посадил и который "снова покроеется мягкой зеленой кожей". Где ему "каждая задрипанная лошадь головой кивает... навстречу". А "осенью медвежонок смотрит на луну", когда "отговорила роща золотая". Он пройдет по знакомой до боли дороге к дому, где встречает его мама "в старомодном ветхом шушуне". И он ей скажет так ласково, так нежно: "Ты одна мне помощь и отрада, Ты одна мне несказанный свет..." И обязательно спросит: "Как живет теперь наша корова, Грусть осеннюю теребя?.. Отгорела ли наша рябина, Осыпаясь под белым окном?.." А потом прогуляется, опираясь на трость, мимо церкви Казанской иконы Божией Матери, где его крестили. "Стыдно мне, что я в Бога не верил, Горько мне, что не верю теперь". Заглянет к дому Кашиных. А возле кустов с красными розами мелькнет белое платье Анны Снегиной. "Да, мне нравилась девушка в белом, Но теперь я люблю в голубом". И непременно с грустью вспомнит о Шагане. "Шагане ты моя, Шагане..."

И непременно он выйдет к высокому крутому берегу Оки. Вон они, его бесконечные луга, отражающиеся в прозрачной воде. Вон они, его сильные леса, пронзающие синее небо... Он просто не мог здесь не родиться. Есенин посмотрит на себя в воду, как в зеркало. Какой к чертям собачьим черный человек!

Там - гениальный русский поэт. Там - красивый человек с синими глазами. Как и его небо. Как и его река. С разухабистыми желтыми кудрями. Как и его колосистые поля. Он глубоко затянется трубкой. И глубоко вздохнет. Нет, это уже поэзия. "Отчего прослыл я шарлатаном? Отчего прослыл я скандалистом?"

Слишком преувеличено. Он сам преувеличивал. Из-за совести. И слишком не для него. Он был глубоким, умным, и правильным. В отличие от всех. И зачем он все время оправдывался? "Так мало пройдено дорог, Так много сделано ошибок"... А потом Сергей Есенин окинет своим чистым взором всю нашу прекрасную Родину. "О матушка Русь! Ты приветствуешь сына Так нежно, что кругом идет голова!..."

"Мы все теперь уходим понемногу В ту страну, где тишь и благодать"... Да все. "С израненной душой". Если она есть вообще... А избранные все-таки остаются навеки. Как пророки. Как искупление пороков. Как исцеление души. Как оправдание жизни человека на Земле. Те немногие, которых однажды утром или ночью. Осенью или весной. Поцеловал ангел. Таким остался Сергей Есенин. Как и еще 99 писателей, которые потрясли мир. ▲